

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИИКСИ

Совершенно естественно, что наука занимается изучением настоящего (или прошлого) не только из-за интереса к нему самому, но и ради будущего. Однако науке, так же, как и людям, приходится «жить» в качественно разные эпохи: в стабильные времена и во времена кардинальных перемен. Социально-экономические процессы, которые воспринимаются как острые, бурные и сложные людьми, живущими в «обычные» периоды, кажутся едва ли не застойными современникам переходных периодов. Не случайно мудрые китайцы желали своим врагам жить в эпоху перемен.

Нам выпало работать именно в такое время. И это усложняет задачи, стоящие перед наукой. Если в 60-е, 70-е и в начале 80-х годов лаборатория экономических исследований НИИКСИ занималась социальным планированием трудовых коллективов, а также планированием социального развития городов и регионов, и это было актуально, перспективно и, главное, необходимость этого осознавалась всеми, то теперь положение изменилось. С началом экономических реформ страна, образно говоря, как бы взошла на корабль, оторвавшись от своего прошлого и устремившись к будущему. К какому же? В отличие от теплоходных экскурсий маршрут экономических реформ оказался неразработанным и необеспеченным.

Обратимся сначала к прошлому лаборатории*. Она была создана в октябре 1962 г. при кафедре политической экономии ЛГУ под названием «лаборатория экономических исследований» под руководством В.Р. Полозова, являвшегося инициатором ее организации. По его свидетельству, первоначально изучались такие проблемы, как социальные изменения в структуре промышленных рабочих, сдвиги в характере и содержании труда под воздействием технического перевооружения производства. Особенностью деятельности лаборатории с самого начала была теснейшая связь с промышленными предприятиями Ленинградского региона и страны. В 1963–1964 гг. лаборатория принимала участие в разработке Генерального плана развития Ленинграда. В это же время совместно с Плановой комиссией Ленгорисполкома лаборатория впервые в стране разрабатывает баланс рабочих промышленности и городского хозяйства Ленинграда на 1964–1965 гг. Еще до появления первого плана социального развития коллектива в производственном объединении «Светлана» В.Р. Полозов

*Материалы о прошлом лаборатории любезно предоставлены ее первым руководителем и организатором В.Р. Полозовым.

Боечко Наталья Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент факультета социологии СПбГУ, зав. лабораторией экономической социологии и психологии НИИКСИ.

Адрес: 193060, С.-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. Факультет социологии СПбГУ.
Тел. (дом.): 232-49-21.

E-mail: nell@NB3843.spb.edu

обосновал методологические принципы формирования плана социального развития коллектива как органической составляющей плана комплексного развития предприятия.

В 1965 г., когда лаборатория вошла в состав вновь созданного НИИКСИ, проф. В.Р. Полозов, опираясь на результаты исследований отдельных проблем социального управления и планирования в сфере промышленности, впервые сформулировал основные положения концепции планирования социального развития производственного коллектива предприятия. С 1966 г. разработка методологии и методики социального планирования, впервые начатая лабораторией экономических исследований Ленгосуниверситета стала предметом комплексного исследования совместно с лабораториями социологических, юридических исследований и социальной психологии НИИКСИ. В соответствии с поручением ВЦСПС в 1968 г. НИИКСИ подготовил методику планирования социального развития коллектива предприятия. В 70-е годы исследование проблем социального развития проводилось лабораторией совместно с другими лабораториями НИИКСИ в городах РСФСР. Институтом были разработаны и представлены в ВЦСПС «Методологические основы методики разработки перспективного плана социального развития коллектива предприятия» под научной редакцией Б.Г. Ананьева, Д.А. Керимова и В.Р. Полозова.

Методология и методика социального планирования на предприятии послужили основой для перехода к социальному планированию на новом, региональном уровне, большой вклад в разработку которого внесли такие ученые НИИКСИ, как М.Н. Межевич, А.В. Дмитриев, Л.И. Спиридонов, соединившие положения концепции развития крупных городов с механизмом методического обеспечения при формировании планов социального развития на различных уровнях управления. Это направление получило признание в нашей стране и за рубежом.

Итогам исследовательской работы лаборатории был посвящен XIV выпуск «Человек и общество» «Проблемы социального планирования на предприятии», изданный в 1976 г.

В 1975 г. часть сотрудников и руководитель лаборатории были переведены во вновь сформированный Институт социально-экономических проблем АН СССР, где в 1975—1987 гг. в сотрудничестве с НИИКСИ продолжалась разработка теоретических основ социального управления.

Нынешнюю лабораторию экономической социологии и психологии интересует будущее экономических реформ, состояние экономики в целом, ее место и роль в жизнедеятельности будущего, предположительно гражданского в полном смысле слова общества, взаимоотношения человека и экономики, т.е. восприятие людьми экономических реформ и влияние последних на социальное самочувствие людей. Однако чтобы изучить все это, нужно прежде всего понять, *какая* именно экономика нам нужна.

Еще Сенека говорил, что для того, кто не знает, куда плыть, не может быть попутного ветра. На первый взгляд кажется достаточно ясным «куда нам плыть»: от планово-административной экономики к рыночной и от тоталитарного общества к гражданскому. Тем не менее оптимистическая ясность первых лет перестройки чем дальше, тем в большей степени сменяется осознанием не только сложности стоящих перед обществом задач, но и их неясности. Дей-

ствительно, чтобы «приплыть» в рыночную экономику, нужно, по крайней мере, знать, что это такое. Но этого мало. Необходимо знать, какой маршрут выбрать, какой «транспорт» для этого подходит, какое обеспечение требуется и т.д. и т.п. И дело не в том даже, что кое-кто собирается «перемахнуть» из социализма в капитализм, хотя привычного нам по литературе классического, «марксистского» капитализма давно уже не существует. Да и можно ли вообще назвать капитализмом то, что сегодня имеет место в развитых странах? Ряд экономистов понимает, что нельзя. Но дело опять-таки не в этом. В конце концов, имеет ли значение, какой ярлык приклеить тому или иному феномену? Важно знать сущность последнего: структуру, функции, генотип, закономерности и тенденции развития. Это позволит понять его будущие возможности.

В связи с вышеизложенным уместно отметить, что методология современного познания сделала значительный шаг вперед как в общественных, так и в естественных науках. В общественных науках это выразилось, в частности, в осознании обусловленности общественного развития сложным взаимодействием факторов различной, а не какой-либо одной природы, а именно экономических, политических, социокультурных, природных, национальных. Кроме того, выявлена нелинейность, дискретность развития. Следовательно, будущие возможности любой системы обусловлены сложным переплетением осуществляющихся в настоящем процессов разного рода, и невозможно говорить о четкой «столбовой дороге» развития. Можно предвидеть лишь *траекторию* развития, да и то с учетом возможных альтернатив взаимовлияний и просто случайностей.

Говорить же, хотя бы в общих чертах, о траектории развития общества становится возможным в силу двух причин и при соблюдении определяемых ими условий. Во-первых, это проведение ретроспективного анализа прошлого. В этой связи уместно привести слова Д. Норта, одного из наиболее значительных представителей новой ветви экономического знания — институциональной экономики. По его мнению, «зависимость от траектории предшествующего развития — это ключ к аналитическому пониманию долгосрочных экономических изменений» [1].

Во-вторых, решающую роль играет методология подобного анализа. Она должна быть такой, чтобы позволить проследить наиболее сущностные черты общественной системы, задающие ее целостность и устойчивость. Вернее, проследить механизм конструирования целостности. Он определяется тем или иным способом организации элементов (частей) системы в целое. Содержание самих элементов и способ их организации задают характер, своеобразие системы, ее социальный генотип, а наличие связей и отношений организации обуславливают факт ее целостности. Методология, позволяющая проанализировать и то, и другое, — синергетический подход, «умеющий» определять степень устойчивости системы как функцию от ее упорядоченности, самоорганизованности. Чем более упорядочена система, тем больше у нее шансов на длительное выживание, т.е. больше ресурс выживания. В то же время ресурс выживания не равен ресурсу развития, которое нуждается в нововведениях. Однако слишком большое количество нововведений или их слишком «резкий», отличный от привычного характер разрушают связи согласования, делая систему кризисно неупорядоченной, резко усиливая потребность в адаптации, которая может пре-

высить возможности. И лишь оптимальное соотношение новаций и традиций позволяет обществу развиваться «нормально», т.е. эволюционно, за счет эволюционного изменения связей и отношений *упорядоченности*.

Чем измеряются и чем обеспечиваются последние? Измеряются степенью согласованности политических, экономических, социокультурных, национальных и природных аспектов развития, а обеспечиваются действием социального генотипа, т.е. сформированной посредством социального отбора совокупности общественных ценностей и установок, социальных норм, определяющих траекторию развития общества, а также правовое поле регулирования социальной и экономической жизнедеятельности.

Все вышесказанное позволило по-новому подойти к экономике как феномену, рассматривая ее как сферу не только создания материальных благ и услуг, но и стратегий жизнедеятельности, самореализации и жизнеобеспечения, а также как сферу *самоорганизации* общества. Поэтому реальная траектория развития проявляется как равнодействующая результатов деятельности всех экономических субъектов. В административно-плановой экономике результаты планируются директивно, централизованно, в рыночной экономике роль наиболее мощного регулятора принадлежит игре спроса и предложения. И хотя эта игра давно уже перестала быть стихийной (на уровне отдельных предприятий важным элементом выступает внутрифирменное планирование, а на уровне экономики стран — индикативное, т.е. определяющее направления развития), победа в ней, как и во всякой игре, требует заинтересованности «игроков», а также наличия у них определенных навыков выживания в рыночной экономике. Другими словами, возрастает роль сознания и поведения, активности и компетентности экономических субъектов на всех уровнях, так как возрастает степень их свободы. Поэтому в качестве пятилетней темы исследования лабораторией экономической социологии и психологии НИИКСИ СПбГУ выбрано изучение экономического сознания и поведения населения, проблем, тенденций и перспектив, возникающих в этой области.

Особенности выбранного объекта, определяющего сложность его исследования, обусловлены рядом моментов. Это, во-первых, сущностные свойства сознания и поведения. Осознанное поведение, в том числе экономическое, предполагает наличие мотивов, в качестве которых выступают осознанные потребности, интересы и ценности. Как известно, поведение, в том числе экономическое, определяется не одним мотивом, а целым рядом мотивов, т.е. имеет мотивационное ядро. Поэтому в условиях нашего переходного общества особый интерес представляет изучение взаимообусловленности поведения изменяющимися под влиянием социальных изменений потребностями, интересами и ценностями. К сожалению, более чем скудное финансирование института не позволяет лаборатории проводить массовые опросы населения. В этой связи акцент сделан на изучении отдельных социальных групп, в том числе с использованием качественных методов. При этом особое внимание обращается на молодежь как социальную группу, играющую наиболее значимую роль в воспроизводстве общественных отношений, передаче совокупности общественного опыта от одного поколения к другому. В условиях переходного периода, имеющего повышенную динамику социальных процессов, эта роль актуализируется.

Одна из задач лаборатории — изучение *противоречивой динамики* мотивов трудовой деятельности, ценностей, экономического положения молодежи, ее адаптации к существующей социально-экономической ситуации, новым ценностям и перспективам.

Исследования выявляют двойственный характер происходящих изменений, их резкую и все более увеличивающуюся поляризацию. Обобщенный (и, соответственно, упрощенный) вывод из оценки противоречивых тенденций изменения таков: все более *интенсивными* становятся положительные процессы (ориентация на рыночную экономику, демократические ценности, умение «обуздать» ситуацию, профессиональная и социальная мобильность и т.п.) и все более *масштабными* — негативные («размываемость» этических ценностей, социальная незащищенность, криминализация бизнеса, снижение социального контроля и т.п.). Таким образом, адаптация населения, в том числе молодежи, к складывающимся социально-экономическим условиям и новым перспективам не только не является полной, но зачастую принимает вынужденный характер, в других же случаях происходит за счет снижения уровня нравственных ценностей.

В то же время экономическое сознание и поведение населения является одновременно не только результатом происходящих социально-экономических процессов, но и фактором будущих изменений. Последний аспект определяет важность интеграции общественного сознания, появления институтов, способствующих консолидации общества. В демократических странах это институты экономического, правового, политического и собственно социального характера. Несмотря на все противоречия и сложности развития западного мира, составляющие его общества консолидированы в значительно большей степени, чем наше, именно по причине становления и развития институтов гражданского общества. Эти институты возникали практически со времени первой промышленной революции, т. е. опыт их развития и совершенствования накапливался в течение более чем двух сотен лет. Степень упорядоченности западного мира постепенно повышалась благодаря либо взаимодействию политических, экономических и социальных институтов, либо взаимоувязке экономических, политических, социальных и экологических аспектов в единой политике наиболее мощного института — социально ориентированного государства. Кроме того, в рамках гражданских институтов возник и оттачивался тот вид общественной деятельности, которую можно назвать самоорганизацией, здесь проявлялись точки соприкосновения активности элиты и гражданских масс.

Десятилетие экономических реформ выявило, вопреки ожиданиям многих, значительный потенциал адаптации населения в целом к рыночному способу хозяйствования. Однако социальная «цена» адаптации оказалась чересчур высокой. Помимо уже отмеченных криминализации и снижения нравственных ориентиров проявляется индивидуализация сознания, что, на наш взгляд, следует оценивать неоднозначно. С одной стороны, это снижение уровня социального иждивенчества и повышение ответственности за организацию собственной жизни, что, безусловно, положительно, с другой — снижение того, что называется сплоченностью, коллективизмом (даже русской соборностью), т.е. именно того, что и является характеристикой подлинно гражданского об-

щества — плотности и устойчивости социальных связей. Таким образом, если считать ориентирами «нового курса» движение к рыночному способу хозяйствования и гражданскому обществу, то можно констатировать, что рыночная составляющая развивается гораздо более успешно, чем гражданская.

Строго говоря, «гражданская» составляющая современных обществ противостоит «рыночной». Как уже говорилось, социально ориентированная экономика есть нечто, качественно отличное от «просто» рыночной, которая, возможно, еще не имеет на сегодняшний день адекватного определения. Тем не менее социальная ориентированность так или иначе обеспечивается за счет государственного, или собственно гражданского (партнерского, демократического) регулирования, основная форма которого — правовая, а основной мотивационный механизм носит экономический (рыночный) характер. Если сравнить экономическое пространство России с экономическими пространствами развитых стран, то можно охарактеризовать его как гораздо более «рыхлое», имеющее менее плотные и устойчивые социальные отношения и значительно уступающее по качеству социальных (гражданских) институтов. Если проследить генезис социально-политического пространства упомянутых стран, то он таков: сначала стабильное государственное устройство, затем «отвоевывание» у него позиций гражданскими институтами.

В то же время, хотя еще и не очень отчетливо, приходит осознание определенной «размываемости» гражданского западного общества за счет усиления позиций *частных* ценностей по отношению к *общественным*. Так, некоторыми авторами отмечается снижение в Западной Европе традиционных ценностей [2, с. 23 — 30]. Возникает противоречие между правовым (внешним) регулированием для обеспечения социальной ориентированности и новым социальным явлением — «корпоративизацией» общественного сознания. В основе этого явления лежит механизм рациональной экономической мотивации. Тупиковость рационального регулирования осознается самими представителями западного мира, а наличие разветвленной системы социальных институтов может способствовать возрождению общественных идеалов и нематериалистических ценностей. Не случайно, например, американский менеджмент от теорий управления с помощью внешних воздействий переходит к поощрению внутренней мотивации к труду [3]. В России же, как всегда, все процессы происходят своеобразно. От социалистических идеалов мы «метнулись» к рыночным, не создав предварительно системы рыночных и гражданских институтов, поэтому промышленная, финансовая и политическая элиты мгновенно объединились, создав корпоративную, наихудшего вида, капиталистическую экономику. Экономические реформы начались с преобразования форм собственности, а сферы занятости и труда практически не попали в поле зрения реформаторов, не приобретя ни рыночного, ни социально ориентированного характера. Хотя рынок труда и появился на свет, внешность и внутреннее содержание его оказались довольно уродливыми — с задержками и невыплатами зарплат, почти полным отсутствием социальных гарантий, криминально низким уровнем минимальной заработной платы. Именно это и явилось, в первую очередь, основой ухудшения жизненного уровня населения, индивидуализации (в худшем смысле слова) общественного сознания, снижения в нем роли морально-этических и других нематериалистических ценностей вопреки российским социокультурным корням.

Исторически сложившаяся изолированность российского народа от политики, даже привычное противостояние власти, отсутствие практики гражданской активности заставляют прийти к выводу, что сфера политики вряд ли будет той, в рамках которой начнется построение гражданских институтов самоорганизации. Сфера же труда, являясь, во-первых, наиболее массовой, во-вторых, определяющей не только социальную адаптацию, но и факт выживаемости, как раз может явиться истоком таковых. Поэтому реформирование сфер занятости и труда представляется решающим направлением реформ, а их исследование со специфической точки зрения — самоорганизации — *второй* из основных задач лаборатории. Если изучение адаптации позволяет выявить особенности сознания и поведения отдельных социальных групп, то взаимодействие этих групп, а также работников внутри групп позволяет осветить зарождение или отсутствие активности экономической самоорганизации масс, ее влияния на социальную политику.

Другой аспект, обеспечивающий решение этой задачи, — рассмотрение самой политики занятости и социальной политики в сфере труда — способствует изучению процессов институционализации с иной точки зрения. Речь идет о выявлении влияния позиций экономической элиты — представителей федеральных и региональных органов власти, формирующих эту политику.

В настоящее время политика и стратегия занятости еще не стали частью социально-экономической политики развития страны, учитывающей особенности переходного периода. Недостаточна ориентированность на полное и эффективное использование трудового потенциала, учитывающего интересы и необходимость развития составляющих его личностей. Политика занятости в большей мере носит пассивный характер. Слишком слаба связь с макроэкономическими характеристиками. Следствием этого является сосредоточенность не столько на обеспечении необходимой квалификации и обучении востребуемым специальностям, сколько на обеспечении пособиями безработных. Тем более не определены приоритеты совершенствования структуры экономики и вытекающие отсюда направления перетока трудовых ресурсов по отраслям, территориям и видам занятости, что является прерогативой федерального уровня. В то же время не менее важным представляется и региональный аспект политики занятости и социальной политики в сфере труда. В этой связи исследуется экономическое поведение наемных работников, а также управленческое воздействие акционерной собственности работников промышленных предприятий на мотивацию их трудовой активности.

Особое место в работе лаборатории занимает изучение особенностей российского рынка труда, его динамики и секторов. В тесной связи с этим находится проблема формирования и развития нового мышления и поведения специалистов в процессе профессиональной подготовки, а также изучения экономического сознания и поведения предпринимателей.

Одним из основных показателей социальной ориентированности экономики является создание условий для использования права на труд лиц с ограниченной трудоспособностью, их социальная защита на рынке труда. Данное направление исследований также предусмотрено лабораторией. В этой связи изучаются потребности молодых инвалидов-горожан в трудоустройстве, в социальной защите, исследуется проблема обеспечения возможности получения

среднего профессионального и высшего образования молодыми инвалидами с сохранным интеллектом.

Социальная политика в сфере труда и занятости имеет прямое отношение к вопросу «Куда же нам плыть?». В ней отражается экономическое и политическое сознание экономической и политической элит, на нее влияет активность масс, а также их жизненный уровень и ценности.

Социальная политика передовых западных стран являет примеры ориентированности на интересы населения в целом, на согласование интересов различных групп, на поддержку наиболее социально уязвимых слоев населения. И в этом отношении стоит изучать имеющийся в этих странах опыт. Обеспечение интересов их населения становится возможным прежде всего в силу наличия эффективной экономической политики, которая ставит на первое место материальное благосостояние народа. Практически это выражается в том, что социальные расходы, начиная со второй половины XX в., постоянно возрастают как в абсолютном выражении, так и в процентах к валовому внутреннему продукту (ВВП). Так, в 1950 г. общие расходы на социальные цели не превышали 10% ВВП, а в 1994 г. в США составляли свыше 20, а в странах Западной Европы свыше 30%. Эти цифры говорят не только об экономических возможностях страны, но и о состоянии в них экономического сознания политиков, в значительной степени определяемого давлением выдвинувших их партий. То есть в обществе имеется определенный консенсус социально-экономических ценностей, основанный на осознании необходимости равенства экономических и социальных возможностей граждан, а также снижения уровня фактического экономического и социального неравенства за счет улучшения жизненных условий наиболее «обиженной» части населения.

Анализ социальной политики в области занятости и в сфере труда выявляет парадоксальную одновременную недостаточность как «рыночности», так и социальной ориентированности. Если в западных странах проблема (а там она является одной из наиболее острых) состоит в поиске баланса рынка и социальной защиты, своеобразной «точки пересечения» их использования, то у нас — прежде всего в комплексности и системности решения проблем, при том обстоятельстве, что «одна другой круче». Наиболее острыми среди них представляются следующие.

1. Недостаточность «рыночности», выражающаяся прежде всего в отсутствии связи между трудовым вкладом работников и их оплатой (невыплаты и задержки зарплаты, необоснованная мизерность минимальной заработной платы).

2. Неадекватность всех потенциальных субъектов рыночного регулирования и ангажированность реальных на уровне органов законодательной власти, чиновничества, директората. В условиях «корпоративного» общества скрывается не только недостаточность соответствующих институтов на макро- и микроуровнях, но и той связи между ними, которая в развитых странах именуется социальным партнерством. Олигархические и корпоративные структуры сделали сферу труда второй после вывоза сырья и капиталов зоной получения сверхприбыли, в данном случае за счет реальной эксплуатации трудящихся.

3. Недалековидность и некомпетентность субъектов регулирования сферы занятости и труда, приводящая благодаря массовому характеру политики занятости и социальной политики в целом к воспроизводству социально-професси-

ональной структуры кадров в понижающемся варианте. В то время как в постиндустриальных странах работник, человек становится основным ресурсом хозяйствования и прогресса.

4. Снижение качества социальной структуры населения и повышение ее поляризованности вследствие неправильной политики занятости и социальной политики в сфере труда, что, в свою очередь, снижает возможность создания «снизу» гражданских институтов, обеспечивающих солидарность интересов трудящихся и гражданский, социальный контроль.

5. Незаинтересованность субъектов регулирования в совместном решении проблем исходя из критериев обеспечения прогрессивности структуры экономики в условиях глобализации мирового сообщества с учетом траектории развития в странах, где идет становление постиндустриального общества.

6. Незаинтересованность субъектов регулирования и их некомпетентность в определении перспективных направлений экономики, обеспечивающих «прорыв» на основе интеграции «опережающей» стратегии в сложившемся мировом разделении труда.

В связи с вышеизложенным в числе направлений, разрабатываемых лабораторией, содержится также изучение проблемы глобализации и связанного с ней поиска интеграционных экономических стратегий.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
2. Доган Н. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: Религия, государство, власть // МЭ и МО. 1999. № 12.
3. Херцберг Ф., Майнер М.У. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социс. 1990. № 1.